

П.В. Шлыков

РЕФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ВАКФОВ В ПОЗДНЕЙ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КРИЗИС И ПОИСК НОВОЙ ФИЛОСОФИИ ВАКФА¹

истории вакфов — традиционного института исламской социальной благотворительности и взаимопомощи — XIX столетие стало временем серьезного институционального кризиса: фундаментальные принципы функционирования вакфов (непреходящий характер уставных целей и задач, раз и навсегда зафиксированных в уставных документах — *вакфие*) вступили в противоречие с быстро меняющейся общественно-политической конъюнктурой и набравшим обороты процессом модернизации османского общества и государства. Стремительное развитие этих процессов — вестернизации и кризиса традиционных институтов — способствовало, с одной стороны, активности османских властей, предпринимавших попытки реформировать и упорядочить разветвленную систему вакфов, приведя ее в соответствие с требованиями времени и интересами государства, с другой — поиску новой философии вакфа и новых форм его существования и функционирования в изменившихся исторических и социальных реалиях.

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ проект №17-01-00203.

Пристальное внимание к вакфам вполне объяснимо. Во-первых, в Османском государстве вакфы олицетворяли собой особый «автономный институт», сочетающий в себе две составляющие: социально-благотворительные учреждения, воплощавшие в жизнь религиозно-благотворительные задачи вакфа, и доходные объекты, генерирующие материальную базу для осуществления благих дел (поддержание этих объектов составляло главную заботу администрации вакфа). Благодаря разветвленной сети социально-благотворительных учреждений вкупе с многочисленными доходными предприятиями, вакфы принимали на себя многообразные роли в экономической жизни и служили интересам одновременно общества и государства. Во-вторых, османские вакфы находились вне строгого контроля со стороны государства и централизованного администрирования, что вкупе с их особой правосубъектностью (позволявшей им выступать в качестве юридического лица) способствовало численному распространению вакфов и превращению их разветвленной сети в «систему религиозно-благотворительных учреждений, расширяющую или, наоборот, сужающую масштабы своей деятельности, следуя за политической конъюнктурой, и выполнявшую важные культурные, экономические и социально-политические функции в жизни Османского государства и общества»². В-третьих, ограниченность роли государства в социальной сфере, сводившаяся в традиционных мусульманских обществах к обеспечению справедливости и безопасности, означала, что вопросы помощи бедным, образования, медицины, культуры, транспортной инфраструктуры и т. п. целиком ложились на плечи общественных институтов — прежде всего вакфов. В Османском государстве именно на средства вакфов строились и функционировали все религиозные, научно-просветительские и социальные учреждения (от мечетей и медресе до постоянных дворов, больниц и кладбищ), а также мосты, дороги и т. д. Многие из создаваемых вакфами социально-благотворительных учреждений служили всем безотносительно достатка, другие — преимущественно малоимущим.

Совокупная доля коммерческих объектов вакфов в экономике Османского государства в XVI–XVII вв. составляла в среднем 16–17%³, а к концу XVIII в. увеличилась почти до 27%⁴. В Анатолии XIX в. почти три четверти всей пахотной земли относились к вакфам, в Алжире — без

² Шлыков П.В. Вакфы в Турции. М., 2011. С. 34.

³ Barkan Ö.L., Ayverdi E.H. Istanbul Vakıfları Tahrîr Defteri, 953 (1546) Târihli. Istanbul, 1970. S. 14.

⁴ Yediyıldız B. XVIII. Yüzyılda Türkiye’de Vakıf Müessesesi. Bir Sosyal Tarih İncelemesi. Ankara, 2003. S. 151.

малого половина всех угодий, в Тунисе — более трети земель⁵. Даже с учетом спорности методик вычислений и нехватки сопоставимых данных по неземельной собственности вакфов масштабы и разнообразие деятельности вакуфных учреждений позволяют говорить о формировании «вакуфного сектора» в экономике Османской империи. Даже один крупный вакф мог выступать центром экономической жизни. Так, основанный в 1552 г. вакф Хюррем-султан в Иерусалиме объединял без малого три десятка деревень, мельницы, базары, рынки, вплоть до XIX в. содержал соборную мечеть и столовые для неимущих⁶. В конце XVIII в. вакуфные благотворительные столовые кормили ежедневно более 30 тыс. стамбульцев⁷. На попечении вакфов находились многочисленные больницы, приюты и сиротские дома, на средства вакфов содержались системы городского водоснабжения, даже забота о бездомных животных находилась в ведении вакфов. Существовала также и специфическая форма «денежных вакфов», появившаяся еще в VIII в. как своего рода кредитная организация⁸, к XVI столетию более половины всех учреждаемых вакфов были «денежными»⁹, а в XVIII в. свыше трети доходов в «вакуфном секторе» генерировали «денежные вакфы» (совокупный объем находившихся в них средств превышал 42 тыс. *акче*)¹⁰. «В османские времена, — пишет Бахаеддин Йедийылдыз, — благодаря удивительному по своим масштабам развитию института вакфов человек мог родиться в вакуфном доме, спать в колыбели, приобретенной за деньги вакфа, и питаться на его средства, читать книги из вакуфной библиотеки, а затем стать учителем вакуфной школы и получать жалованье от вакфа, наконец, умереть и быть похороненным на кладбище, принадлежащем вакфу, в гробу, также приобретенном на средства вакфа»¹¹.

Вместе с тем с изменением социально-экономической конъюнктуры эффективность функционирования разветвленной системы вакфов стала

⁵ Öztürk N. Türk Yenileşme Tarihi Çerçevesinde Vakıf Müessesesi. Ankara, 1995. S. 109–167.

⁶ Peri O. Waqf and Ottoman Welfare Policy: The Poor Kitchen of Hasseki Sultan in Eighteenth-Century Ottoman Jerusalem // Journal of the Economic & Social History of the Orient. Vol. 35. 1992. P. 170–171.

⁷ Huart C. Imaret // Encyclopaedia of Islam. 1st ed. Vol. 2. Leiden, 1927. P. 475.

⁸ Çizakça M. A History of Philanthropic Foundations: The Islamic World from the Seventh Century to the Present. Istanbul, 2000. P. 27–71.

⁹ Çagatay N. Osmanlı İmparatorluğunda Riba-Faiz Konusu ve Bankacılık // Vakıflar Dergisi. Sayı IX. Ankara, 1970. S. 31–56.

¹⁰ Yediyıldız B. XVIII. Yüzyılda... S. 117.

¹¹ Ibid. S. 5.

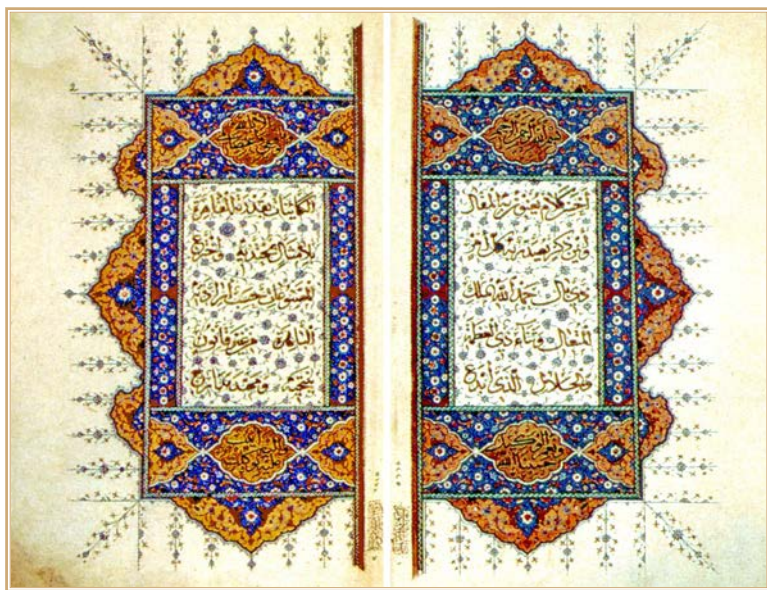
Имарет обширного вакуфного комплекса Хюррем-султан (1502–1558), основанного в Иерусалиме в 1552 г. и объединявшего без малого три десятка деревень, мельницы, базары, рынки (современная фотография)

вызывать вопросы, а общественная полезность самого института начала подвергаться сомнению. Отчасти это было вызвано нарастанием финансового и экономического кризиса в империи, индикатором которого стало резкое падение стоимости денег, начавшееся еще в конце XVI в. под влиянием «революции цен» в Европе и стремительно прогрессирующее в XVIII и XIX вв. из-за «порчи монеты». Так, если в XVI–XVII вв. *акче* обесценился в 2–2,5 раза по официальному курсу и в 4 раза на «черном рынке»¹², то за период 1740–1844 гг. покупательная способность серебряного *куруша*, по подсчетам американского историка Шарля Иссави, упала примерно в 22 раза¹³. Вполне закономерно, что на фоне этих процессов финансово-экономический потенциал вакфов существенно девальвировался, а прежние модели эксплуатации коммерческих объектов оказались малоэффективными. Кроме того, в самой системе вакфов все отчетливее стал проявляться кризис управляемости.

Критики системы вакфов отмечали снижающуюся эффективность его как социального института в XIX в. «Неорганизованность» разветвленной системы вакфов, затрудняющая не только контроль над ними, но и управляемость «вакуфного сектора», могла негативно отражаться

¹² Подробнее см.: *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991. С. 20–30.

¹³ *Issawi Ch.* The Economic History of Turkey 1800–1914. Chicago-L., 1980. P. 321–326.

Первые страницы учредительного вакфие вакфа Хюррем-султан (1502–1558)
[ТІЕМ, nr. 2191]

на социально-экономической и духовно-культурной жизни общества. Логика таких оценок проста: во-первых, вакфы посредством создаваемых и финансируемых ими социально-благотворительных учреждений способствовали разложению османского социума, потворствуя нищенствованию и исключая немалую часть трудоспособного населения (бесчисленную армию бенефициаров) из «активной производительной жизни»¹⁴; во-вторых, переданное в вакф имущество «замораживалось», по многим параметрам выводилось из полноценного экономического оборота, что способствовало «инертности экономической жизни» в Османской империи¹⁵; в-третьих, принцип «бессрочности» вакфа, исключавший не только экспроприацию вакуфного имущества, но и изменения уставных целей вакфа и методов их достижения, превращал немалое число вакфов в «заложников своих *вакфие*». Остро эта проблема касалась вакфов образовательных учреждений, для которых *вакфие* жестко фиксировало круг преподаваемых дисциплин и, как правило, не предусматривало изменение учебной программы, исходя из текущего уровня развития науки. Все это неизбежно тормозило развитие системы образования в Османской империи¹⁶.

¹⁴ Akdağ M. Türkiye'nin İktisadî ve İçtimai Tarihi (1453–1559), Cilt II. İstanbul, 1974. S. 128–129.

¹⁵ Cem İ. Türkiye'de Geri Kalmışlığın Tarihi. İstanbul, 2004. S. 99.

¹⁶ Ibid. S. 50.

Не менее актуально это было и для вакфов караван-сараев: с ускорением экономической жизни торговые пути меняли свою конфигурацию и многие старые маршруты теряли свое значение, равно как и расположенные на них караван-сарай, а *мютевелли* (распорядители), если этого не было предусмотрено в *вакфие*, вынуждены были выделять средства на их содержание в неизменном объеме и не могли выбрать иной объект для благотворительности. Неслучайно в ряде *вакфие* содержалось указание на помощь бедным как «конечную миссию» учреждаемого вакфа, если его уставные задачи будут исчерпаны. На практике это означало, что подобные вакфы, в случае исчезновения «первичного бенефициара», имели возможность изменить адресата своей благотворительной деятельности, например, переключиться на содержание приюта или богадельни и т. п. Здесь, правда, крылась другая опасность — со временем число «конечных бенефициаров» вакфов могло оказаться чрезмерным, что произошло, например, в Стамбуле XIX в., где бесплатные вакуфные столовые каждый день кормили свыше 30 тыс. жителей¹⁷ и примерно столько же содержалось в вакуфных приютах, богадельнях, домах сирот, больницах и т. д.¹⁸ Все это давало повод современникам говорить о «дисбалансе социальной активности вакфов» и даже общественном вреде вакфов, а более поздним исследователям утверждать об отрицательном влиянии вакфов на экономику Османского государства¹⁹.

Очевидные издержки принципа «неизменности» вакфов и вся совокупность функциональных ограничений, который он накладывал на вакуфные учреждения, не остались незамеченными современниками. Изучение *вакфие* XVIII–XIX вв. дает ряд примеров того, как решалась эта проблема: нередко в *вакфие* указывалось на возможность изменить цели вакфа, но такое право предоставлялось *мютевелли* лишь один раз, впоследствии он даже не мог «модернизировать» принципы функционирования коммерческих объектов вакфа²⁰.

Было бы ошибкой утверждать, что у распорядителей вакфов абсолютно отсутствовала возможность вносить изменения в систему управления вакфом и его доходными объектами. Важно другое — устоявшиеся пра-

¹⁷ Huart C. Imaret... P. 475.

¹⁸ Stillman N.A. Charity and Social Service in Medieval Islam // Societas. Vol. 5. 1975. P. 105–115.

¹⁹ Akdağ M. Türkiye'nin İktisadî ve İçtimai Tarihi (1453–1559), Cilt II. İstanbul, 1974. S. 128–130; Cem İ. Türkiye'de... S. 98–99.

²⁰ Akgündüz A. İslam Hukukunda ve Osmanlı Tatbikatında Vakıf Müessesesi. İstanbul, 1996. S. 257–70.

вила функционирования вакуфной системы поощряли и даже требовали строгого следования предписаниям *вакфие* и «консервативной» трактовки желаний и целей вакифа. Наконец, вакфы не могли действовать скоординированно, объединяя свои ресурсы и усилия, если их уставные цели совпадали. Проекты, которые мог эффективно осуществлять один крупный вакф (строительство и ремонт дороги, содержание системы водоснабжения), для нескольких более мелких оказывались крайне затратными. Учредители, впрочем, могли свободно предписывать выделение некой части из доходов своего вакфа более крупному. И отдельные примеры подобного эффективного «объединения ресурсов» имели место в XVIII и XIX вв.²¹ Однако, если в *вакфие* не была специально прописана возможность такой процедуры, ни один вакф не мог ставить себя в подчиненное положение по отношению к более крупному и становиться источником ресурсов и дотаций для него. Причем даже если подобное «поглощение» и было возможно, каждый вакф продолжал функционировать независимо и самостоятельно. Видный египетский мыслитель XIX в. Рифах ат-Тахтави (1801–1873) отмечал единичность примеров совместных социально-благотворительных проектов на фоне многочисленных индивидуальных пожертвований и семейных вакфов, которые также создавались не на коллективной основе²².

В рамках традиционной системы вакфов первостепенное значение имела «воля» основателя, его право устанавливать условия деятельности и функционирования каждого конкретного вакфа, *мютевелли* же воспринимался как исполнитель этих предписаний, в принципе, не имеющих права решать дела вакфа, исходя из своих предпочтений и взглядов. Выражаясь языком современной политэкономии, учредитель был патроном-руководителем, а *мютевелли* — лишь его агентом, верным исполнителем директив. При этом в ситуации, когда указания, зафиксированные в *вакфие*, не могли прямо использоваться, задача *мютевелли* состояла в наиболее точной интерпретации воли *вакифа* (а не принятии более эффективного управленческого решения). Изменения в методах управления вакфа, очевидно, способствующие его большей продуктивности, т. е. претензии *мютевелли* на права хозяина, а не слуги, не могли оправдать пренебрежение и нарушение предписаний *вакфие*. Свобода действий *мютевелли*, даже если она предусматривалась в *вакфие*, огра-

²¹ Çizakça M. A History... P. 48.

²² Cole J.R.I. Al-Tahtawi on Poverty and Welfare // Poverty and Charity in Middle Eastern Contexts. N.-Y., 2003. P. 223–238.

ничивалась местным судьей, главная задача которого также состояла в выполнении воли учредителя. В некотором смысле кадий тоже воспринимался как «исполнитель», ведь он должен был следить за тем, чтобы *мютевелли*-распорядитель скрыто не нарушал предписания *вакфие* под предлогом дополнительных ассигнований на ремонт доходных объектов или смены персонала.

Все эти особенности превращали систему вакфов в механизм, главной целью которого было воспроизводство и сохранение традиции, «ригуала», а не экономическая продуктивность. За длительный временной цикл, особенно в условиях быстро меняющейся экономической и политической конъюнктуры, материальные потери вакфов могли достигать значительных размеров: когда их главные «активы» эксплуатировались неэффективно, а социальная полезность неуклонно падала. Можно предположить, что принцип «неизменяемости» и «бессрочности» вакфа подходил для стабильной и статичной экономической системы, где технологии, вкусы и предпочтения не претерпевали революционных изменений и в рамках одного-двух поколений их трудно вообще было ощутить, не существовало идеи постоянного развития и трансформации разных сфер жизни. Именно в таких условиях формировалась система вакфов. Установление строгих и жестких правил управления каждым конкретным вакфом могло способствовать большей щепетильности их распорядителей и защищать интересы предполагаемых бенефициаров, гарантировать осуществление его социальных функций. Поэтому учредители, действительно заботившиеся об осуществлении социально-благотворительных функций своих вакфов, считали незначительными последствия строгого ограничения свободы *мютевелли* в принятии управленческих решений в сравнении с возможными злоупотреблениями, будь их полномочия более обширными. Той же логикой руководствовались и власти, поддерживавшие принцип «бессрочности и неизменности» вакфов как залог непрерывного осуществления их социальных функций. Даже если предположить, что следование этому принципу было частичным (есть немало примеров, как он нарушался), в рамках меняющейся экономики эффективность системы вакфов существенно уменьшалась.

Еще один упрек в адрес системы вакфов — их использование как гарантии против возможной конфискации, в частности, переданных в вакф земель *мири*, которые тем самым теряли свой статус условных служебных держаний и фактически бессрочно переходили под контроль семьи учредителя (приобретавших целый ряд дополнительных прав на этот надел). В первые годы существования Османского государства, как пи-

Османский государственный деятель и автор политических трактатов Кочи-бей Гёмюрджинский (ум. ок. 1650) в своем знаменитом рисале задавался вопросом о законности семейных вакфов и призывал провести всеобщую ревизию вакуфной собственности

шет Омер Лютфи Баркан, власть строго следила за вопросами собственности на земли мири, однако с течением времени ситуация изменилась²³. И хотя в большинстве случаев эти наделы передавались в вакфы с религиозно-благотворительными целями, все чаще под прикрытием благотворительности скрывалась другая задача — сохранить имущество в руках своей семьи²⁴. Зоркий обличитель пороков Высокой Порты Кочи-бей Гёмюрджинский писал в начале XVII в., что отдельные лица непонятным образом становились полными собственниками земли, территорий, которые несколько веков назад были завоеваны в кровопролитных боях и должны принадлежать государству, быть «общей собственностью всех мусульман»... эти люди близки к султану и используют свое привилегированное положение, превращают наделы в семейные вакфы. В своем *рисале* Кочи-бей задавался вопросом о законности подобных образований и считал необходимым организовать султанскую инспекцию всех вакфов, основанных за последние 200 лет²⁵.

Необходимость ревизии и контроля над вакфами и их доходами надолго закрепилась среди первоочередных задач внутренней политики Порты. Связано это было с крайней децентрализованностью системы

²³ Barkan Ö.L. Şer'i Miras Hukuku Ve Evlâtlık Vakıfları // İstanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası, Cilt VII, Sayı I. İstanbul, 1940. S. 14.

²⁴ Köprülü F. Vakıf Müessesesinin Hukukî Mahiyeti ve Tarihî Tekâmülü // Vakıflar Dergisi, Sayı II. Ankara, 1942. S. 26.

²⁵ Koçibey M. Koçibey Risalesi (1041/1631) (Sadeleştiren: Zuhuri Danişman). İstanbul, 1972. S. 58–59.

вакфов, невозможностью их строгого учета, но главное, количеством вакфов. Общее число *вакфие*, зарегистрированных в центральном реестре и хранящихся в Архиве Главного управления вакфов, составляет более 29 тыс. Из этих *вакфие* около 50 относятся еще ко временам малоазийских Сельджукидов. Однако эти цифры далеки от того, чтобы достоверно показать количество вакфов, созданных и функционировавших в османском обществе²⁶. В сущности, статистически определить их количество крайне сложно, подобную попытку даже не предпринимали многочисленные турецкие и западные исследователи этого института. Сейчас, на основе проведенных изысканий, можно вывести данные о числе вакфов в отдельно взятых регионах в определенный отрезок времени: так, за 77 лет (с 1519 по 1596 г.) в Стамбуле было основано 2860 вакфов²⁷. С другой стороны, по данным, приведенным в ряде опубликованных диссертаций, в XVII в. — 1663²⁸; в XVIII в. — уже 6 тыс.²⁹, а в XIX в. — более 9 тыс.³⁰ Конечно, все эти цифры не могут считаться окончательными. Например, известный турецкий исследователь Назиф Озтюрк, оценивая деятельность вакфов по архивным материалам, говорит о более чем 35 тыс. вакфов, созданных в Османской империи³¹.

Столь большой разброс в количественных оценках вполне объясним. У османов вплоть до образования в 1826 г. султанского Министерства вакфов не было единой централизованной системы контроля и учета вакфов. Поэтому, не проанализировав все судебные и налоговые реестры и целый ряд других документов, невозможно дать точное число созданных и функционирующих вакфов в Османской империи. До первой четверти XIX в. вакфы, существовавшие на территории Турции, разделялись на три группы: «древние» (*эвкаф-ы кадиме*), учрежденные в доосманские времена, «неистинные» (*эвкаф-ы ирсадийе*), созданные на базе земель *мири*, принадлежащих государству, и, наконец, «истинные» (*эвкаф-ы сахиха-и лязиме*), в которые была передана личная собственность³². Государство напрямую не вмешивалось в дела вакфов (за исключением «древних» и

²⁶ Öztürk N. Türk Yenileşme... S. 24.

²⁷ Barkan Ö.L., Ayverdi E.H. İstanbul Vakıfları Tahrîr Defteri, 953 (1546) Târihli. İstanbul, 1970. S. VIII/Tablo-I.

²⁸ Yüksel H. Osmanlı Sosyal ve Ekonomik Hayatında Vakıfların Rolü (1585–1683). Sivas, 1998. S. 22.

²⁹ Yediyıldız B. XVIII. Yüzyılda... S. 151.

³⁰ Öztürk N. Türk Yenileşme... S. 34.

³¹ Ibid. S. 40.

³² Elmalılı M. Hamdi Yazır Gözüyle Vakıflar. Ankara, 1995. S. 112–116.

части «неистинных») и часто даже не обладало информацией о численности существующих вакфов, поскольку отсутствовала центральная система учета, а регистрация производилась только в шариатских реестрах³³.

Озаботившись установлением непосредственного контроля над вакфами и их ресурсами, султан Махмуд II учредил в 1826 г. Министерство вакфов с обширными полномочиями. Махмуд II и с экономической, и с политической точек зрения был заинтересован в установлении прямого контроля над вакфами и их доходами. Правительство испытывало хроническую нужду в деньгах, особенно для создания новой армии. Кроме того, *улама* находились в оппозиции к реформаторской деятельности султана, осуждали его стремление следовать в своих преобразованиях примеру западных стран. Лишив своих противников доходов от вакфов, Махмуд II ослабил бы их не только экономически, но и политически. В 1809 г. султанские вакфы — к тому времени их число приблизилось к 50 — были подчинены особому управлению (*Evkâf-ı Hamidiye ve Mülhakatı İdaresi*)³⁴. С упразднением янычарского корпуса в 1826 г. к этому управлению были присоединены «янычарские» вакфы, а ведомство получило другое название — служба вакфов Хамидие и Махмудие (*Hamidiye ve Mahmudiye Mütevelli Kaimmakamlığı*)³⁵. Появление этой службы, обладавшей уже достаточно разветвленным аппаратом и контролировавшей значительное число богатых вакфов, стало последним шагом на пути к учреждению в 1826 г. в рамках начавшихся реформ султанского Министерства вакфов³⁶. В функции нового ведомства входили регистрация актов учреждения вакфов, утверждение назначений *назыров* (инспекторов) и *мютевелли* вакфов, контроль над расходованием средств, получаемых с вакфов (в частности, на содержание богоугодных заведений и выплату жалования их служащим), и т. д. Однако масштабы, многообразие и степень разветвленности системы вакфов были таковы, что, в сущности, реальная деятельность этого ведомства сводилась, по большей части, лишь к формальной регистрации решений, принимаемых на местах мусульманскими судьями — кадиями, а также *назырами* и *мютевелли*.

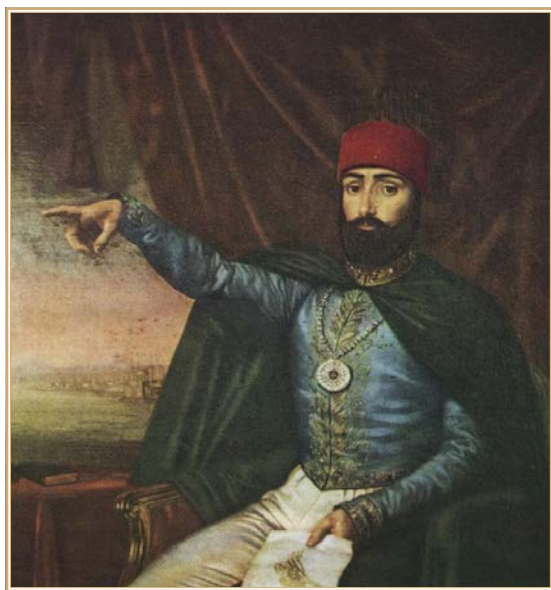
Некоторая централизация со стороны султанского министерства была достигнута относительно расходования средств лишь с султанских вакфов (в том числе вакфов Харамейн). Однако повседневное управление

³³ Ibid. S. 117.

³⁴ Öztürk N. Türk Yenileşme... S. 67–68.

³⁵ Akgündüz A. İslam... S. 360–364.

³⁶ Ibid.

Султан Махмуд II (1808–1839) учредил в 1826 г. Министерство вакфов с обширными полномочиями (портрет из музея Топкапы)

доходной недвижимостью, относящейся к этим вакфам, как и прежде, находилось в руках отдельных лиц на местах. Деятельность же «несултанских» вакфов по-прежнему целиком и полностью определялась *назырами* и *мютевелли* практически без вмешательства центральных властей³⁷. Механизмы функционирования вакфов оставались вполне традиционными, равно как и назначение должностных лиц, получавших свое жалование из вакуфных средств. Эти назначения, как и прежде, осуществлялись благодаря родственным и личным связям, оформлялись кадиями на основании рекомендаций и свидетельских показаний. Махмуд II старался изменить ситуацию и даже издал в 1835 г. указ о том, чтобы впредь *мютевелли* назначались главой Министерства вакфов (а не кадиями, как раньше), чем надеялся поставить в зависимость от правительства управляющих вакфами. Однако и в этом Махмуд II, намеревавшийся поступить с вакфами так же, как с *тимарами* и *зеаметами* — включить их в государственный фонд, не добился большого успеха. По-прежнему вакфы остались больше в ведении *улама* и влиятельных *мютевелли*. Не получил Махмуд II и финансовых выгод: из-за злоупотреблений чиновников новой вакуфной администрации доходы, поступавшие в казну, были столь низкими, что даже не покрывали расходов, связанных с управлением вакфа-

³⁷ Deguilhem R. Centralised Authority and Local Decisional Power: Management of the Endowments in Late Ottoman Damascus // The Empire in the City. Arab Provincial Capitals in the Late Ottoman Empire. Würzburg, 2002. P. 221.

Панорамный вид знаменитого стамбульского Дома бедняков (İstanbul Darülaceze Müessesesi), созданного по специальному указу султана Абдулхамида II (1876–1909) [Başbakanlık Osmanlı Arşivi, Yıldız Esas Evrak Defteri Nr. 408].

ми. Правительству приходилось давать этой администрации дотацию в сумме 12,5 млн курушей³⁸.

По существу, система вакфов оставалась максимально децентрализованной, регулировалась в гораздо большей степени семейными и корпоративными, а не государственными отношениями. В итоге желание сконцентрировать в одних руках управление разрозненными вакфами, которое впредь должно было исходить из установки на централизацию и выстраивание «властной вертикали», и стремление заставить систему вакфов служить интересам государства, уменьшая тем самым финансово-политическое влияние религиозных кругов³⁹ — т. е. главные цели и задачи создания министерства так и остались нереализованными, решать их пришлось уже младотуркам и кемалистам. Впоследствии это привело к ослаблению вакуфной системы, сокрушению силы и влияния *улама*, наконец, сделало возможным продажу и перераспределение вакуфной собственности.

К концу XIX в. распространение коррупции и снижающаяся эффективность деятельности значительного числа вакфов, использование сомнительных механизмов эксплуатации, «замены» и «аренды» вакуфного имущества⁴⁰ негативно отразились на общественной репутации

³⁸ Ubicini A. Lettres sur la Tuquie. T. I. P., 1853. P. 272.

³⁹ Öztürk N. Türk Yenileşme... S. 69–75.

⁴⁰ Kuran T. The Logic of Financial Westernization in the Middle East // Journal of Economic Behavior & Organization. Vol. 56 (2005). P. 593–615.

Имперская детская больница (Hamidiye Etfâl Hastanesi),
открытая в 1899 г. по специальному указу султана Абдулхамида II (1876–1909).
Фотография 1903 г.

института, поставив под сомнение целесообразность и правомерность существования многочисленных вакфов. Наряду с распространением злоупотреблений важным катализатором кризиса системы вакфов во второй половине XIX в. стала политика османских властей по наращиванию роли государства в сфере социального обеспечения и благотворительности. В 1895 г. в Стамбуле был торжественно открыт созданный по специальному указу султана Абдулхамида II (1876–1909) знаменитый Дом бедняков (*İstanbul Darülaceze Müessesesi*), в 1899 г. — заработала Имперская детская больница (*Hamidiye Etfâl Hastanesi*), а еще раньше — в 1877 г. было создано Османское общество Красного полумесяца (*Osmanlı Hilali Ahmer Cemiyeti*), которое при младотурках превратилось в очень влиятельную структуру. В совокупности все это подготовило почву для масштабной конфискации вакуфной собственности, проводившейся в начале XX в. в разных частях Османской империи (от Турции и Сирии до Египта и Алжира).

Перманентные финансовые трудности, с которыми сталкивались османские власти в XIX в., вынуждали к поиску альтернативных источников пополнения имперской казны, в роли которых стали рассматривать многочисленные вакфы, широко используемые для ухода от налогов и защиты имущества от посягательств властей и этим вызывавшие раздражение у султана и османских сановников. И если прежде власти могли пойти на конфискацию лишь сомнительных по своему происхождению вакфов

(преимущественно «неистинных»), поскольку масштабная экспроприация вакфов неизбежно вызвала бы всеобщее неприятие как попрание религиозных символов и традиций и могла спровоцировать народные волнения, то на рубеже XIX–XX вв. ситуация стала иной: институциональный кризис системы вакфов изменил отношение значительной части общества к вопросу неприкосновенности института вакфов. Административные реформы периода Танзимата не смогли существенным образом повлиять на характер функционирования вакфов, однако они стали важным шагом к ликвидации автономного статуса вакфов: подчинение системы вакфов специально созданному профильному министерству, пусть и формальное, фактически нивелировало фундаментальный принцип неприкосновенности и неизменности предписаний *вакфие*. В результате вакфы, к которым на протяжении нескольких столетий многие относились как к аналогу траста, превратились в своеобразный резервный фонд правительства, которое получило возможность перераспределять доходы вакфов и использовать их нередко вопреки предписаниям *вакфие*: например, на подготовку военных парадов или прокладку трамвайных путей и выплату процентов по государственному долгу⁴¹. Подобные практики получили распространение по всей территории Османской империи, выхолащивая прежний неприкосновенный и непреходящий статус уставных целей вакфов⁴².

Всеобщего осуждения политика властей в отношении вакфов не вызывала. Прозападно настроенная часть общества смотрела на вакфы как на «реакционный институт»⁴³ и не выступала в его поддержку, менее радикальные сторонники реформ также не испытывали пиетета к институту вакфа в его традиционном виде, поддерживая курс на его модернизацию, видя в этом еще и способ давления на *улама*, выступавших традиционными противниками реформ. В целом реформаторы XIX в. не преследовали задачу полностью ликвидировать вакфы, а стремились уменьшить долю «вакуфного сектора» в экономике, тем самым сузив влияние *улама* и консервативной части османского общества, связанной с вакуфными учреждениями. В этом и состояла суть процесса «централизации» системы вакфов: уменьшить материально-финансовую базу влияния *улама* и пропорционально сократить их политический вес. При этом и власти, и сторонники реформирования системы вакфов сильно

⁴¹ Çizakça M. A History... P. 79–86.

⁴² Ibid. P. 110–168.

⁴³ Köprülü F. Vakıf... S. 24–25.

преувеличивали степень деградации института вакфа, его неэффективность и «реакционность», одновременно умаляя отрицательные стороны выстраиваемой централизованной системы надзора и администрирования вакфами. На деле злоупотребления и коррупция, характерная для системы вакфов, просто приняли иные формы: получило распространение нецелевое использование активов и доходов вакфов, малая доля которых шла на государственные и общественные нужды, многочисленные растраты и присвоение вакуфной собственности — все это едва ли позитивно отразилось на экономической жизни Османской империи⁴⁴.

Сама по себе практика конфискации вакуфной собственности не являлась изобретением XIX в. и имела достаточное количество примеров в истории арабо-османского мира, она лишь приобрела более системный характер. Нередко власти прибегали к конфискации вакфов, у которых были утрачены *вакфие* или пресекался род *мютевелли*, а процедуры избрания нового не было предусмотрено. Подобная проблема была характерна для многих вакфов мечетей, которые после смерти *мютевелли* часто передавались в управления Министерства вакфов: только в Палестине в начале XX в. по этой схеме более 70 крупных вакфов перешло под контроль государства⁴⁵.

Еще одна практика, получившая распространение во второй половине XIX в. — предоставление Министерству просвещения права распоряжаться частью средств вакфов культурно-образовательных учреждений, поскольку их масштабная, но слабо скоординированная деятельность стала рассматриваться как помеха на пути прогресса и развития сферы образования, контроль над которым стал одним из приоритетов государства. В 1883 г. был издан специальный закон, по которому средства значительного числа вакфов медресе, мечетей и *текке* передавались в распоряжение государственных образовательных учреждений⁴⁶, что позволило правительству установить свой контроль не только над доходами культурно-образовательных вакфов, но и вакуфными религиозными и светскими учебными заведениями.

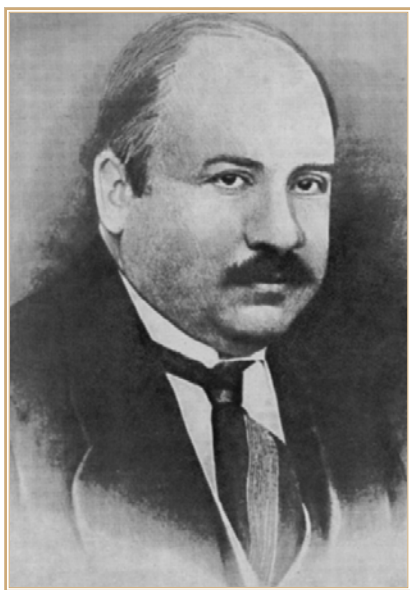
В политике младотурок можно увидеть еще более негативное отношение к вакфам, чем у реформаторов XIX в. Годы после младотурецкой революции 1908 г. стали временем наиболее острой критики вакфов⁴⁷,

⁴⁴ Çizakça M. A History... P. 85–86.

⁴⁵ Reiter Y. Islamic Endowments in Jerusalem Under British Mandate. L., 1996. P. 14–17.

⁴⁶ Granott A. The Land System in Palestine: History and Structure. L., 1952. P. 140.

⁴⁷ Köprülü F. Vakıf... S. 34.

Османский политический деятель и социальный философ Мехмед Зия Гёкальп (1876–1924), предлагавший правительству провести секуляризацию вакфов

на фоне которой власти окончательно утвердились в необходимости национализировать обширные материально-финансовые ресурсы вакфов. Вопрос о вакфах стал одним из ключевых пунктов широкой дискуссии о роли религии в жизни Османского государства и общества. На одном полюсе были «исламисты», отстаивавшие необходимость сохранения ведущей роли ислама и исламских институтов в общественной и политической жизни, на другом — их оппоненты, «западники» и националисты, выдвигавшие идеи модернизации и тюркизации ислама, а также секуляризации политических институтов и общественной сферы. Среди радикальных мер по секуляризации и модернизации, идеи которых выдвигались на страницах младотурецкой печати, многое впоследствии было воплощено кемалистами в 1920-е гг.: упразднение медресе, ликвидация суфийских тарикатов, европеизация одежды, реформа языка, «тюркизация Корана» и др. Националисты, признавая ключевую роль ислама в формировании национального самосознания, активно поддерживали идеи секуляризации. Зия Гёкальп (1876–1924) предлагал правительству провести секуляризацию вакфов и других ключевых общественных институтов — медресе, шариатских судов, а сферу полномочий *шейх-уль-ислама* свести исключительно к вопросам религии. Во второй половине 1910-х гг. многие идеи Гёкальпа были реализованы: ведомство *шейх-уль-ислама* было низведено до уровня департамента, а сам он лишился статуса министра, Министерство юстиции получило контроль

над шариатскими судами, Министерство просвещения — над медресе, а Министерство финансов — над администрацией вакфов. Для правительства младотурок, у которых автономный статус вакфов, аккумулировавших колоссальные ресурсы, вызывал нескрываемое раздражение, меры по упорядочению разветвленной системы вакфов и установление формального контроля над их материально-финансовыми ресурсами должны были стать важным шагом на пути использования вакфов в интересах государства и общества. «Всякий вакф есть некое божественное учреждение, у него свои законы, свои чиновники, свой бюджет... — иронизировал в одной из своих поэм видный теоретик турецкого национализма Зия Гёкальп. — Течет время, а служба в этом диване ничуть не изменилась... Ведь надзиратель вакфа — это рука мертвеца. Но почему же бразды правления живыми находятся в руках у мертвых? Почему защищается этот порядок незыблемости и неизменности (*вакафа*) в стране турок, которая стремится вперед?»⁴⁸

Таким образом, младотурки фактически подготовили кемалистские реформы института вакфа в 1920-е и 1930-е гг., больше похожие на попытку его ликвидации. Практически все, что происходило с вакфами в первые годы существования республики — от окончательной секуляризации системы медресе (по закону об объединении образования⁴⁹) до перераспределения вакуфных земель (по закону о наделении землей⁵⁰) и распродажи недвижимости вакфов (по закону о вакфах 1935 г.⁵¹) — так или иначе проговаривалось, а иногда и практиковалось в конце XIX и начале XX в.

⁴⁸ *Gökalp Z. Yeni Hayat: Doğru Yol.* Ankara, 1976. S. 35.

⁴⁹ 430 Sayılı Tevhid-i Tedrisat Kanunu // Resmi Gazete, 06/03/1340 (1924). Sayı 63.

⁵⁰ Çitçiği Topraklandırma Kanunu (4753 Sayılı ve 11/6/1945 Tarihli) // Resmi Gazete, 15/06/1945. Sayı 6032.

⁵¹ 2762 Sayılı Vakıflar Kanunu // Resmi Gazete, 13/06/1935. Sayı 3027.

REFERENCES

1. *Meyer M.S.* The Ottoman Empire in the 18th Century. The Features of Structural Crisis [Osmanskaja imperija v XVIII veke. Cherty strukturnogo krizisa]. Nauka, Moscow, 1991.
2. *Shlykov P.V.* Waqfs in Turkey [Vakfy v Turcii]. Marjani Publishing House. Moscow, 2011.
3. *Akdağ M.* Economic and Social History of Turkey (1453–1559), T. 1. [Türkiye'nin İktisadî ve İçtimaî Tarihi (1453–1559), Cilt II]. Türk Tarih Kurumu, İstanbul, 1974.
4. *Akgündüz A.* Waqf Institution in the Islamic Law and Ottoman Practice [İslam Hukukunda ve Osmanlı Tatbikatında Vakıf Müessesesi]. Osmanlı Araştırmaları Vakfı. İstanbul, 1996.
5. *Barkan Ö.L.* Sharia Inheritance Law and Waqfs of Adopted Children // Journal of the Faculty of Economics İstanbul University, Vol. 7, Issue 1 [Şer'î Miras Hukuku Ve Evlâtlık Vakıfları // İstanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası, Cilt VII, Sayı I]. İstanbul, 1940. P. 10–29.
6. *Barkan Ö.L., Ayverdi E.H.* İstanbul Cadastral Record Books of 953 (1546) [İstanbul Vakıfları Tahrîr Defteri, 953 (1546) Târihli]. Baha Matbaası, İstanbul, 1970.
7. *Granott A.* The Land System in Palestine: History and Structure. Eyre and Spottiswoode. London, 1952.
8. *Çagatay N.* The Problem of Riba-Interest and Banking in the Ottoman Empire // The Journal of Waqfs, Issue 9 [Osmanlı İmparatorluğunda Riba-Faiz Konusu ve Bankacılık // Vakıflar Dergisi. Sayı IX]. Ankara, 1970. P. 31–56.
9. *Cem İ.* Türkiye'de Geri Kalmışlığın Tarihi. Can Yayınları, İstanbul, 2004.
10. *Çizakça M.* A History of Philanthropic Foundations: The Islamic World from the Seventh Century to the Present. Boğaziçi University Press, İstanbul, 2000.

11. *Cole J.R.I.* Al-Tahtawi on Poverty and Welfare // Poverty and Charity in Middle Eastern Contexts. Ed. by M. Bonner, M. Ener, A. Singer. State University of New York Press. Albany, 2003. P. 223–238.
12. *Deguilhem R.* Centralised Authority and Local Decisional Power: Management of the Endowments in Late Ottoman Damascus // The Empire in the City: Arab Provincial Capitals in the Late Ottoman Empire. Ed. by J. Hanssen, T. Philipp, S. Weber. Ergon in Kommission. Würzburg, 2002. P. 219–234.
13. *Elmalılı M.* Hamdi Yazır on Waqfs. Translated by N. Öztürk [*Elmalılı M. Hamdi Yazır Gözüyle Vakıflar. Çevirmen: Nazif Öztürk*]. Diyanet Vakfı Yayınları, Ankara, 1995.
14. *Gökalp Z.* New Life: the Right Way [Yeni Hayat: Doğru Yol]. Devlet Kitapları, Ankara, 1976.
15. *Huart C.* Imaret // Encyclopaedia of Islam. 1st ed. Vol. 2. Brill, Leiden, 1927. P. 475.
16. *Issawi Ch.* The Economic History of Turkey 1800–1914. University of Chicago Press. Chicago, 1980.
17. *Koçibey M.* The Tractate of Koçibey (1041/1631). Abridged by Z. Danışman [Koçibey Risalesi (1041/1631) (Sadeleştirilen: Zuhuri Danışman)]. Milli Eğitim Bakanlığı. İstanbul, 1972.
18. *Köprülü F.* The Legal Nature and Historical Development of Waqf Institution // The Journal of Waqfs, Issue 2 [Vakıf Müessesesinin Hukukî Mahiyeti ve Tarihi Tekâmülü // Vakıflar Dergisi, Sayı II]. Ankara, 1942. P. 1–35.
19. *Kuran T.* The Logic of Financial Westernization in the Middle East // Journal of Economic Behavior & Organization. Vol. 56 (2005). P. 593–615.
20. *Öztürk N.* The Waqf Institution in the History of Turkish Modernization [Türk Yenileşme Tarihi Çerçevesinde Vakıf Müessesesi]. Ankara, 1995.
21. *Peri O.* Waqf and Ottoman Welfare Policy: The Poor Kitchen of Hasseki Sultan in Eighteenth-Century Ottoman Jerusalem // Journal of the Economic & Social History of the Orient. Vol. 35. 1992. P. 167–186.
22. *Reiter Y.* Islamic Endowments in Jerusalem Under British Mandate. Portland. London, 1996.
23. *Stillman N.A.* Charity and Social Service in Medieval Islam // Societas. Vol. 5. 1975. P. 105–115.

24. *Yediyıldız B.* Waqf Institution in Turkey of the 18th Century: The Social History Research [XVIII. Yüzyılda Türkiyede Vakıf Müessesesi. Bir Sosyal Tarih İncelemesi]. Türk Tarih Kurumu. Ankara, 2003.
25. *Yüksel H.* The Role of Waqfs in the Social and Economic Life of the Ottoman Empire (1585–1683) [Osmanlı Sosyal ve Ekonomik Hayatında Vakıfların Rolü (1585–1683)]. Özel Yayın. Sivas, 1998.

Ключевые слова:

Османская империя, Турция, система вакфов, исламские институты, модернизация

Pavel V. Shlikov

REFORMATION OF THE WAQF SYSTEM IN THE LATE OTTOMAN EMPIRE: INSTITUTIONAL CRISIS AND SEARCH FOR NEW PHILOSOPHY OF WAQF

The paper analyses the transformation of the traditional waqf institution in the 19th and early 20th century Ottoman Empire — the process which determined the fate of waqfs in the early republican period of Turkey's history. The spread of corruption and precarious practices of «exchange» and «rent» of waqf properties together with the declining effectiveness of many waqf activities — all this had a negative impact on the public reputation of waqfs and questioned both the legitimacy and usefulness of numerous waqfs and the large scale waqf network. The Ottoman authorities were concerned about the direct control of waqfs and their properties, in 1826 the Sultan Mahmud II established a Ministry of Waqfs with extensive power and jurisdiction. However, the scale, diversity and ramified structure of the waqf system reduced the real work of the ministry mostly to the formal registration of the decisions taken at the local level. As a result, the waqf system remained decentralized and its activities were determined mostly by family and corporate interests and not by the state. Along with the widely spread corruption and misuse of waqf properties another factor conducive to the growing of crisis in the waqf system was the Ottoman state's aspiration to play an increasingly important role in the sphere of social welfare, social security and charity in the late 19th century. The combination of these factors paved the way for the large-scale confiscation of waqf properties in various parts of the Ottoman Empire in the early 20th century (from Turkey to Syria and Egypt).

Key words: the Ottoman Empire, Turkey, waqf system, Islamic institution, modernisation.

Pavel V. Shlykov — PhD (History), Associate Professor of the Middle East History Department, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Шлыков Павел Вячеславович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран
Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки
МГУ имени М.В. Ломоносова